

ШАГ В НАУКУ. ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

УДК 377.014(470.53)''1920/1935''

**ПРОЛЕТАРИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ПРИКАМЬЕ В 1920-е – НАЧАЛЕ 1930-х гг.***О. С. Горина*

Рассматривается процесс пролетаризации художественного профессионального образования, его результаты в Прикамье на примере Пермского художественно-педагогического техникума. Разбираются методы достижения пролетаризации учебных заведений (т.е. увеличение доли рабочих и крестьян среди учащихся), а именно чистки в студенческих рядах, попытки улучшения материального положения учащихся из числа рабочих и крестьян, способы осуществления классового подхода при отборе поступающих в техникумы, предварительная подготовка рабочих и крестьян к поступлению в ВУЗы и техникумы.

Ключевые слова: художественное образование, пролетаризация образования, Наркомпрос, Пермский художественные техникум, студенческие чистки.

Становление советской системы образования, вопросы регулирования социального состава студенчества, имеют длительную историю в отечественной историографии. В литературе советского периода они рассматриваются в контексте политики пролетаризации высшей и средней специальной школы. Авторы рассматривают осуществление классового подхода при наборе учащихся, приводят сведения о студенческом составе, указывают на мероприятия по материальной поддержке рабоче-крестьянского студенчества (работы Л. В. Косцовой [1], А. П. Купайгородской [2] и других [3]). В 1970-е гг. появились работы, посвященные проблемам культурного строительства в отдельных регионах. В. Г. Чуфаров рассматривал развитие системы образования, проблемы интеллигенции, историю культурного строительства на Урале [4]. В. Л. Соскин анализировал те же процессы в Сибири [5], М. С. Кузнецов первым обратился к теме культурной революции на Советском Дальнем Востоке [6]. В этих публикациях частично затрагивались вопросы высшего художественного образования и регулирования состава студенчества.

Всплеск интереса к истории интеллигенции приходится на 1990-е – 2000-е гг. Однако история художественного сообщества, художественной интеллигенции и художественного образования привлекает внимание в гораздо меньшей степени, чем история педагогического или технического образования. Наиболее подробно исследуются различные аспекты пролетаризации высшей школы. Е. А. Котомкина рассматривает проблемы подготовки педагогических кадров на примере Тверской области, оценивает деятельность рабфаков и подготовительных курсов для рабочих и крестьян, стипендиальное обеспечение студентов педвузов и педтехникумов [7]. Д. А. Андреев сосредотачивает свое внимание на пролетаризации советской высшей школы, уделяя основное внимание событиям 1921–1925 гг. [8]. Д. А. Андреев подробно исследует полемику, идущую в партийной среде по поводу классового характера комплектования ВУЗов.

Крупный научный центр, специализирующийся на проблемах истории российской культуры и интеллигенции, сложился в Омске. Процесс формирования советской художественной интеллигенции в Западной Сибири на рубеже 1920–1930-х гг. исследует Ж. Е. Левина в монографии «Художественная интеллигенция в Западной Сибири в системе советской культуры (конец 20-х – 30-е годы XX века)» [9].

Системе художественного образования на Урале посвящены монографии А. С. Максяшина [10] и С. П. Яркова [11]. В сфере их научных интересов находится динамика развития сети учебных заведений художественного профиля, партийное руководство сферой художественного образования. Но отдельно проблема пролетаризации художественного образования не рассматривается. Г. С. Адрианова в монографии «Художественная интеллигенция Урала (1930-е гг.)» анализирует основные тенденции формирования советской художественной интеллигенции на Урале [12]. Центральное место в монографии отведено 1930-м гг. Затрагивая вопросы пролетаризации художе-

ственных учебных заведений Урала, Г. С. Адрианова приводит данные о социальном составе учащихся и прослеживает динамику его изменений, рассматривает материальное положение студенчества.

Признавая значение названных работ, нельзя не отметить и некоторые вопросы, оставшиеся за рамками исследований. В уральской историографии практически не исследуется такая черта пролетаризации, как «чистки» по социальному признаку, не оценивается эффективность принимаемых для изменения социального состава учащихся мер, не называются источники комплектования художественных кадров Урала.

В данной статье ставятся следующие задачи: обозначить основные направления партийно-государственной политики по регулированию социального состава учащихся художественных учебных заведений Прикамья в 1920-е гг.; представить способы корректировки количественного и качественного состава учащихся; установить изменения в социальном составе обучающихся к началу 1930-х гг.

В качестве источников использованы сборники директивных материалов и статистических документов, в которых публиковались данные, характеризующие формирование системы образования¹. Документы, характеризующие состояние художественного образования в Прикамье, сосредоточены в Пермском государственном архиве новейшей истории (далее – ПермГАНИ) и Государственном архиве Пермского края (далее – ГАПК). В ПермГАНИ особый интерес представляет фонд Пермского окружного совета ВКПб Уральской области, содержащий отчеты о показателях работы учебных заведений. В ГАПК – фонд Пермского художественного техникума, содержащий организационную, распорядительную, учетную, контрольную документацию, а также текущую переписку Пермского художественного техникума. В Центральной государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее – ЦГАЛИ СПб) важен фонд областного комитета профессионального союза работников искусств, содержащий материалы о работе художественных учебных заведений, документы, дающие представление об основных направлениях работы по формированию специалистов.

Следует отметить, что несистематический учет социального состава учащихся учебных заведений Прикамья и различие методик учета затрудняют сопоставление материала.

Одной из главных задач советской политики в области образования в 1920-е гг. явилась так называемая пролетаризация, изменение социального состава учащихся. Проводя курс на создание новой интеллигенции, большевистское руководство облегчало доступ к учебе в высших и средних учебных заведениях рабочим и крестьянам.

Впервые термин «пролетаризация» как обозначение целенаправленной политики появляется в 1921 г. Начиная с 1922 г. происхождение абитуриента становится решающим фактором при приеме в ВУЗы и техникумы РСФСР. Уже в 1924–1925 гг. в советской прессе появились сообщения о том, что пролетаризация успешно завершилась [8, 46]. Тем не менее позже всесоюзное совещание по вопросам агитации пропаганды культурного строительства при ЦК ВКП(б) (май–июнь 1928 г.) констатирует «оживление классовой борьбы» и подчеркивает, что «задача пролетаризации ВУЗов и техникумов продолжает оставаться главной» для советской власти в это время [9, 48]. Для достижения поставленных целей разрабатывается система мер, включающая расширение сети рабфаков, создание курсов по подготовке рабочих и служащих к обучению в ВУЗах и техникумах, предусматривается широкая программа мер по улучшению материального положения пролетарского студенчества. Первым и основным средством регулирования социального состава ВУЗов и техникумов был тщательный отбор учащихся. В брошюре Наркомпроса о среднем профессиональном образовании 1927 г. указывается: «Правила приема [в техникумы] построены по строго классовому принципу. Рабочие и трудовые крестьяне (бедняки и середняки) и их дети принимаются в техникумы в 1-ю очередь... при чем имеется директива о минимальном % ежегодно принимаемых рабоче-крестьянской группы»².

Таким образом, фактически отменялся принцип отбора студентов по способностям, в порядке свободного конкурса. Более того, делалось все, чтобы принятые в ряды студентов рабочие и крестьяне не были отчислены. Как указано в постановлении коллегии Наркомпроса от 23 мая 1929 г., важной частью политики пролетаризации образования является «борьба против отсева пролетарско-крестьянской (особенно батрацко-бедняцкой) части учащихся», а также «устранение из наличного состава учащихся элементов, явно засоряющих учебное заведение»³. К последним относились:

лица, лишённые избирательных прав, скрывшие свое социальное происхождение при поступлении, лица, обнаружившие антисоветское поведение, осужденные за уголовные преступления.

Пролетаризация художественной школы имела свои особенности. Она, помимо прочего, предполагала популяризацию художественного образования, повышение статуса профессии художника, традиционно воспринимаемой в России «несерьезной». Для этого техникумам предлагалось «установить теснейшую связь с общественностью через печать, выставки, доклады с иллюстрациями, организовать в художественно-промышленных техникумах подготовительное отделение для рабочих и крестьян»⁴. Главпрофобр (главное управление профессионального образования) призывало развернуть социалистическое соревнование между учреждениями художественного образования за улучшения социального состава учащихся. Считалось, что такая форма работы сделает деятельность учреждений художественного образования более интенсивной и четкой. В информационном письме художественным ВУЗам и техникумам 1929 г. предлагаются конкретные пути, которые бы ускорили пролетаризацию, в частности «рекомендуется проводить пролетаризацию летних подготовительных групп для рабочих и их детей и организовывать через местные органы политпросвета воскресные рабочие курсы»⁵.

Сеть учреждений художественного образования в 1920–1930-е гг. в Прикамье развивается следующим образом: в 1921 г. Пермские художественно-промышленные мастерские были преобразованы в художественный техникум. С 1927–1928 уч. г. он стал действовать как художественно-педагогический. После закрытия в 1924 г. Кунгурских и Кудымкарских художественно-промышленных мастерских Пермский художественный техникум являлся единственным учреждением художественного профиля, который готовил преподавателей изобразительного искусства для школ, культпросветработников для клубов и культурных учреждений. Таким образом, пролетаризацию художественного образования в Прикамье мы будем рассматривать на примере Пермского художественного техникума.

Основным способом изменения классового состава учащихся Пермского художественного техникума был тщательный классовый отбор абитуриентов, который происходил уже на стадии приема документов. Специальные приемные комиссии решали вопрос о допуске того или иного абитуриента к вступительным испытаниям. В «Положении об окружных и местных комиссиях по проведению приема в техникумы и профессиональные школы Урала на 1925/26 учебный год» разъясняется, что «социальный отбор лиц, признанных пригодными для поступления в техникумы или профшколы, производится в следующем порядке: круглые сироты, находящиеся на государственном содержании; члены РКП и РЛКСМ и дети заслуженных революционеров; рабочие и их дети; дети беднейшего и среднего крестьянства; дети инвалидов красной армии и флота; дети членов союза работников просвещения; дети лиц комсомола, административного состава, комиссарского состава, медперсонала и политработников красной армии и флота; члены профсоюзов и их дети; прочие группы населения»⁶. Обращает на себя внимание тот факт, что наравне с «круглыми сиротами» и «рабочими и их детьми», «детьми беднейшего и среднего крестьянства» приоритет при приеме в учебное заведение отдается «детям лиц комсомола, административного состава, комиссарского состава» и иных приоритетных для новой власти профессиональных групп.

В 1921 г. был введен принцип командирования в учебные заведения абитуриентов партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями, которые были обязаны руководствоваться «классовым» принципом при отборе кандидатов. В инструкции, прилагающейся к «Положению о проведении приема в техникумы и профессиональные школы Урала на 1925/26 учебный год», указывается, что при распределении мест в художественные учебные заведения между командировавшими организациями сохраняются следующие соотношения: органы РКПб командируют 10% учащихся, органы РЛКСМ – 20%, профсоюзы – 30%, трудовое крестьянство – 25%, отдел Наробраза – 15%⁷.

Несмотря ни на что, желающих поступить в техникумы из среды служащих, как правило, больше чем из рабочих и крестьян. Общеобразовательная подготовка этой категории выше. В 1926/27 уч. г. в Пермский художественный техникум принят 21 человек, из них: детей рабочих – 5 чел., что составляет 23,8%; детей крестьян – 1 чел., 4,8%; детей служащих принято 15 чел., что составляет 71,4% поступивших⁸. Впрочем, со временем меры по пролетаризации образования повлияют на эту картину. Прием 1928/29 уч. г. характеризуется следующими данными: всего принят 31 человек, из них: детей рабочих – 16 чел., что составляет 51,6%; детей крестьян – 5 чел., 16,1%; де-

тей служащих принято 6 чел., что составляет 19,4% поступивших, воспитанников детских домов принято 4 чел. – 12,9%⁹. Таким образом, за год количество студентов из числа детей служащих сокращено более чем в три раза. Эти изменения во многом связаны с тем, что места для рабочих и крестьян бронируются заранее, часто принимаются и те, кто не выдерживал вступительные испытания. По итогам приема в техникумы г. Перми на 1927/28 уч. г. является к испытаниям 1528 чел., выдерживает испытания 482 чел., принимаются в техникумы 560 чел. Показатели по Пермскому художественно-педагогическому техникуму следующие: явилось к испытаниям 42 чел., выдержали испытания 16 чел., принято 25 чел.¹⁰ Т.е. 36% из поступивших не выдержали приемных экзаменов. Комиссия Наркомпроса по обследованию Пермского округа констатировала, что в техникумах, процент принятых рабочих и крестьян увеличился с 72,8% в 1927/28 уч. г. до 84,7% в 1928/29 уч. г.¹¹

Способом борьбы за пролетарское большинство становятся чистки в студенческой среде, которые коснулись и учащихся Пермского художественно-педагогического техникума. Главпрофобр (главное управление профессионального образования при Наркомпросе) предлагает постоянно проверять состав учащихся, широко используя заявления отдельных рабочих и крестьян, сообщения местных партийных, профсоюзных, советских организаций, материалы рабселькоровской печати. В 1933 г. в Перми проходит паспортизация, следствием которой стала масштабная проверка состава учащихся в ВУЗах и техникумах. В 1933 г. как классово-чуждые элементы из Пермского художественного техникума исключаются 5 чел. Студент 3 курса Кондратьев, студенты 2 курса Перевалов, Максимцев, Илюшкин, студент 1 курса Сатаров. При этом подчеркивается, что средства, затраченные на их обучение, должны быть взысканы через народный суд¹².

Преподаватель Пермского художественного техникума И. И. Россик в своих воспоминаниях пишет об этих событиях следующее: «Некоторые сотрудники и студенты должны были получать паспорт, но вручили им предписание в 24 часа покинуть город. Алексей [Паненков, преподаватель техникума] сказал, что с него требуют справку, подтверждающую, что его отец, умерший в 1924 году, был действительно середняком, а не кулаком. Ответ на такой запрос должен был прийти не раньше чем через две недели. Ни в какую не хотели ждать – сейчас же требовали оставить город». Россик прямо говорит о том, что паспортизация становится удобным поводом «избавиться» от неудобных для директора техникума [13, 90].

Политика чисток студенчества вызывает недовольство не только в Прикамье. Учащиеся одного из художественных ВУЗов Москвы в заявлении в Главпрофобр протестовали против необъективности чисток, при которых главным критерием являлось не социальное происхождение, а отношения студентов с администрацией [9, 59].

Характерно письмо наркома просвещения А. В. Луначарского И. В. Сталину в феврале 1929 г.: «Надо ли тех молодых людей, которые уже учатся, без всякой вины с их стороны и только (имея в виду) проблематичную вину их родителей, вдруг выбрасывать вон. Лично я в этом чрезвычайно сомневаюсь. По-видимому, таким способом мы окончательно отталкиваем к ненависти и к контрреволюции некоторое количество молодежи, которая раз попав в наше учебное заведение, быть может, переделалась бы в нашем духе» [3, 134]. В связи с этим коллегия Наркомпроса в постановлении «О чистках в ВУЗах, рабфаках и техникумах» 1929 г. рекомендует при исключении из учебных заведений лиц, скрывших свое социальное происхождение, «тщательно проверять все обстоятельства, относящиеся к данному делу, и принимать во внимание к каждому отдельном случае академическую и общественную ценность подлежащего исключению лица, допуская исключения в отдельных случаях. С особой осторожностью следует относиться к решению об исключении студентов и учащихся последнего курса»¹³.

Приказы об отчислении студентов из Пермского художественно-педагогического техникума по причине классово-чуждого происхождения часто аргументировались еще и отрицательной характеристикой поведения. Нередко указываются меры, принятые техникумом для перевоспитания студента, подлежащего исключению. Выглядело это следующим образом: «Несмотря на все принятые меры общественного, воспитательного и административного воздействия за систематическую дезорганизаторскую работу по группе (прогулы, опоздания, нарушения трудовой дисциплины, невыполнение учебных работ), которая продолжалась около 2 лет, студента Бирюкова как классово-чуждого (сын попа) из техникума исключить» – указано в Приказе 1934 г.¹⁴

Пролетаризации техникумов в Прикамье мешает очень слабая материальная база учреждений образования. Острее всего стоит проблема расселения студентов (своего жилья в городе классово верные учащиеся, как правило, не имеют). В докладной записке Пермскому окружному ВКПб о состоянии жилищной площади на 1 февраля 1929 г. по общежитиям техникумов указывается, что дальнейшее повышение процента рабоче-крестьянского состава в учебных заведениях немислимо без улучшения жилищных условий учащихся техникумов. Именно студенты из рабочих и крестьян в основном нуждались в общежитии. В среднем, на одного учащегося техникума в 1929 г. в Пермском округе приходилось 3,9 кв. м, в художественном техникуме – 3,4 кв. м.

В документе подчеркивается необходимость неотложных мер «для того, чтобы во всех учебных заведениях нынешней осенью не произошли такие же случаи как осенью 1928 года в фармацевтическом техникуме (забастовка учащихся и отказ выйти на занятия вследствие недостатка общежитий)»¹⁵. В 1929/30 уч. г. было необходимо обеспечить жильем 800 человек, представителей рабоче-крестьянского ядра техникумов, сделать это не представлялось возможным, и потому ставился вопрос о приостановлении организации в Перми новых средних учебных заведений, о переводе учреждений в другие населенные пункты в пределах округа и выводе некоторых учебных заведений в другие округа. Разрабатывались проекты перевода Пермского художественно-педагогического техникума в Кунгур, рассматривалась возможность его слияния со Свердловским художественно-промышленным техникумом¹⁶. Эти планы не были осуществлены.

Отбор абитуриентов по социальному признаку без учета общеобразовательной и специальной подготовки создавал ряд трудностей и нематериального плана, влияющих на качество обучения. Различия в уровне подготовки отдельных групп учащихся были настолько велики, что затрудняли введение в некоторых техникумах общеобразовательных предметов. В материалах отчета Пермского художественного техникума за 1923/24 уч. г. встречается следующая информация: «Общеобразовательная подготовка учащихся по общеобразовательным предметам недостаточно высокая. Учащиеся по общеобразовательным предметам были разделены на три группы. Первая группа: имеющие общее образование в объеме 2-ой ступени, освобождались от прохождения общеобразовательных предметов за исключением обществоведения. Вторая, старшая группа, куда входили учащиеся независимо от распределения по курсам, имеющие подготовку не менее одного года второй ступени и третья, младшая группа – учащиеся, имеющие меньшую подготовку»¹⁷. Среди поступивших в Пермский художественный техникум в 1927 г. предварительную подготовку ниже семилетнего общего образования имеет 5 человек, семилетнее общее образование есть 12 человек, восьмилетнее общее образование получили 4 человека, «девятилетку» окончили 2 человека. Ни один из поступивших не является выпускником рабфака или курсов по подготовке рабочих и крестьян к поступлению в ВУЗы и техникумы¹⁸.

Влияние рабфаков на качественное и количественно комплектование состава учащихся невелико. Уровень развития сети подготовительных учреждений не позволяет в короткие сроки обеспечить пролетарское большинство среди учащихся. Пермский рабфак и курсы по подготовке рабочих и крестьян в ВУЗы и техникумы, организованные Пермским Окроно (Округным отделом народного образования), постоянно испытывают трудности материального характера. Комиссия Наркомпроса по обследованию Пермского округа «с точки зрения осуществления классовой линии в деле народного образования, которое происходило с 30 ноября 1928 года по 5 января 1929 года», фиксирует, что намеченные в 1928/29 уч. г. мероприятия по подготовке детей рабочих и беднейшего крестьянства в техникумы и ВУЗы не осуществлены за отсутствием ассигнований на этот предмет по бюджету¹⁹. Комиссия отмечает также огромный отсев среди учащихся и особенно среди «рабоче-крестьянского» ядра техникума. Из 87 учащихся Пермского художественно-педагогического техникума на первом курсе обучается 12 студентов из рабочих и 5 из крестьян; на втором курсе – 10 студентов из рабочих и 2 из крестьян; на третьем курсе – 4 студента из рабочих и 4 из крестьян; на четвертом курсе студентов из рабочих нет вообще, 1 человек происходит из крестьян²⁰.

Таким образом, основным и наиболее действенным способом изменения классового состава учащихся в Прикамье являлся классовый отбор абитуриентов. Принцип командирования студентов партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями сделал этот отбор еще более строгим. Эта мера позволила к 1928/29 уч. г. сократить количество студентов из числа детей служащих более чем в три раза. Способствовали пролетаризации также проверки студенческого состава и

«чистки» в студенческой среде. Факторами, замедляющими пролетаризацию образования в Прикамье, являлись: слабая материальная база и серьезные различия в уровне подготовки поступивших.

Влияние рабфаков и подготовительных курсов для рабочих и крестьян на качественное и количественно комплектование состава обучающихся по художественному профилю было очень невелико.

По числу рабочих (16,9%) художественные техникумы в РСФСР к 1925/26 уч. г. стоят на четвертом месте после индустриальных (31,1%), медицинских (25%) и промышленно-экономических (21,3%). Позади остаются педагогические техникумы (16,3%) и сельскохозяйственные (13,4%)²¹. К 1929/30 уч. г. соотношение не изменилось: число рабочих в индустриальных техникумах составляет 49,9%, с социально-экономических – 35%, медицинских – 45,7%, в художественных – 26,2%, затем идут сельскохозяйственные с 24,1%, и педагогические – 22,1%. Крестьяне составляют большинство в педагогических (49,9% в 1925/26 уч. г.; 49,1% в 1929/30 уч. г.) и сельскохозяйственных техникумах (50,7% в 1925/26 уч. г.; 48,3% в 1929/30 уч. г.) [9, 55].

Сравнивая данные о пролетаризации художественных учебных заведений РСФСР и Прикамья, можно заключить, что социальный состав Пермского художественно-педагогического техникума к 1929/30 уч. г. примерно повторял ситуацию художественных техникумов всей РСФСР (рабочих – 29,8%, крестьян – 11,5%). Уровень пролетаризации учащихся Пермского художественно-педагогического техникума остается в целом ниже, чем в техникумах другого профиля. В 1928/29 уч. г. процент рабочих учащихся Пермских техникумов составляет 55,4%, крестьян – 23%²². Таким образом, коренного изменения в источниках комплектования кадров специалистов художественного профиля в Прикамье не произошло. Кроме того, проводимые мероприятия привели к снижению качества подготовки специалистов.

Примечания

¹ См.: Высшая школа в РСФСР. Народный комиссариат просвещения РСФСР. 1923; Вихирев Н. Среднее профессиональное образование к десятилетию октября. Основные итоги. Народный комиссариат просвещения РСФСР, 1927.

² Вихирев Н. Среднее профессиональное образование к десятилетию октября. Основные итоги. Народный комиссариат просвещения РСФСР, 1927. С. 42.

³ Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф.р. 591. Оп. 1. Д. 22. Л. 205.

⁴ ГАПК. Ф.р. 591. Оп. 1. Д. 20. Л. 305.

⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. 283. Оп. 2 Д. 1958. Л. 15.

⁶ ГАПК. Ф.р. 591. Оп. 1. Д. 6. Л. 310.

⁷ Там же.

⁸ Пермский государственный архив новейшей истории (далее – ПермГАНИ). Ф. 2. Оп. 5. Д. 255. Л. 117.

⁹ ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 255. Л. 117.

¹⁰ Там же. Оп. 4. Д. 214. Л. 52.

¹¹ Там же. Оп. 6. Д. 214. Л. 6.

¹² ГАПК. Ф.р. 591. Оп. 1. Д. 3. Л. 42.

¹³ Там же. Д. 22. Л. 205.

¹⁴ Там же. Д. 3. Л. 71.

¹⁵ ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 109. Л. 256.

¹⁶ Там же. Л. 265.

¹⁷ ГАПК. Ф.р. 591. Оп. 1. Д. 13. Л. 116.

¹⁸ ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 4. Д. 214. Л. 52.

¹⁹ Там же. Оп. 6. Д. 214. Л. 5.

²⁰ Там же. Оп. 7. Д. 109. Л. 237.

²¹ Вихирев Н. Среднее профессиональное образование... С. 44.

²² ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 255. Л. 117.

Список литературы

1. Косцова Л. В. Динамика состава сибирского студенчества в 1920-е годы // Высшая школа и научно-педагогические кадры Сибири 1917–1941. Новосибирск, 1980.
2. Купайгородская А. П. Высшая школа Ленинграда в первые годы советской власти 1917–1925. Л., 1984.
3. Советская культура в реконструктивный период. М., 1988.

4. *Чуфаров В. Г.* Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции 1920–1937 гг. Свердловск, 1970.
5. *Соскин В. Л.* Культурная жизнь Сибири в Первые годы НЭПа (1921–1923). Новосибирск, 1971.
6. *Кузнецов М. С.* Дальневосточные партийные организации в борьбе за осуществление задач культурной революции (1928–1937 гг.). Томск, 1971.
7. *Котомкина Е. А.* Из истории народного образования в России 1917–1932. Тверь, 2002.
8. *Андреев Д. А.* Красный студент и политика пролетаризации высшей школы // Новое литературное обозрение. 2008. № 90.
9. *Левина Ж. Е.* Художественная интеллигенция Западной Сибири в системе советской культуры (конец 20-х – 30-е годы XX века). Омск, 2006.
10. *Макшин А. С.* Генезис художественного образования в области изобразительного искусства Урала. Екатеринбург, 2006.
11. *Ярков С. П.* Художественная школа Урала: к столетию Екатеринбургского училища им. И. Д. Шадра. Екатеринбург, 2002.
12. *Адрианова Г. С.* Художественная интеллигенция Урала 30-е гг. Екатеринбург, 1992.
13. *Россиц И. И.* И все таки говорить есть о чем. Пермь, 2009.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.09.2009